
Н.И. Шубникова-Гусева

Сорокоуст

В августе 1920 года поэт пишет стихи о гибели родного деревенского мира «Сорокоуст», которые Валерий Брюсов считал «лучшими из всех, что были написаны за последнее время». Название означает церковную службу по умершему, которая совершается в течение сорока дней со дня кончины. В основу третьей центральной части поэмы лег эпизод, рассказанный Есениным в письме к Е.И. Лифшиц от 11 августа 1920 года:

«Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец начал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни...»

«Сорокоуст» — поэма трагическая, тревожная и очень сложная по своей образной структуре. В ней железный гость принимает разные символические обличья: страшный вестник, чугунный поезд, скверный гость и, наконец, стальная конница. Он многолик и одновременно похож на страшного зверя с «железным брюхом», который тянет свою «пятерню» к «глоткам равнин» и на поезд с чугунными лапами. Но главное его свойство — отсутствие жизни.

Произведение состоит из четырех главок. Первая начинается страшным восклицанием («Трубит, трубит погибельный рог!..») и растерянным беспомощным вопросом-повтором («Как же быть, как же быть теперь нам // На измызганных ляжках дорог?»). Поэт объявляет о трагической гибели всего живого, беззащитного перед неравной схваткой с наступающим железным гостем. Есенин крепко ругается, бросая вызов мещанскому литературному вкусу («толстые задницы», «песенные блохи»).

Во второй главке описан поход страшного вестника под жалостный плач гармоники и тоскливые песни:

Идет, идет он, страшный вестник,
Пятой громоздкой чащи ломит.

Третья главка — конкретный эпизод гонок красногривого жеребенка и поезда. Есенин соотносит и противопоставляет железный поезд и живого коня: у поезда — железная ноздря, поезд бежит — жеребенок скачет, по степям — по большой траве, лапы чугунные — тонкие ноги. Неожиданный и безысходный эпитет — «бессиянные» поля. Жизнь обесценивает все живое:

По иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тыщи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

В четвертой главке звучат проклятия скверному гостю («Черт бы взял тебя, скверный гость!») и лирический герой называет себя псаломщиком, который поет «над родимой страной «аллилуйя» — то есть восхваление Господа. Но любимая поэтом рябина символизирует страшный конец. На фоне облитых «кровью ягод» по-особому воспринимаются заключительные строки:

И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

Индустриальный образ требует от Есенина новой поэтики и нового языка. В

«Сорокоусте» поэт сочетает грубость и даже сквернословие с необычайной нежностью. Есенин расширяет ритмические вариации стиха, рамки рифмы и ассонанса.

«Сорокоуст» — это отходная по традиционному укладу народной жизни. «Страшный вестник» с «железным брюхом» и «громоздкой» пятой намертво сжимает, душит «глотки равнин». Стальная лихорадка трясет деревню. Сейчас, когда продолжается индустриальное наступление на природу, загрязнение рек и водоемов, вырубку лесов, мы начинаем понимать эти стихи Есенина не как отсталые патриархальные, а как реальную угрозу всему человечеству.